

Научная статья

УДК 78.045

DOI: 10.26086/NK.2025.76.1.003

О музыкально-лингвистическом значении китайских «школьных песен»

Никитенко Оксана Борисовна¹, У Сяолэй²

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ E-mail: nikitenko-k@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2654-3900>

² E-mail: 602854595@qq.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8114-2874>

Аннотация. Статья посвящена социокультурному анализу «школьных песен» — явления, суть которого не до конца осмыслена в истории нового Китая. Внутренняя оценка «школьных песен» до недавних пор основывалась на их социальном значении, в работах историков подчеркивалось их тематическое содержание, связанное с новыми демократическими устремлениями. Позднее молодые исследователи рассматривают «школьные песни» как жанровую сферу, предшествующую становлению и развитию китайской художественной песни. Однако и этот взгляд не исчерпывает масштабов влияния этой гуманистической акции. В статье предложен культурологический ракурс анализа китайских «школьных песен», выявляющий их музыкально-лингвистическое значение.

Ключевые слова: «школьные песни», музыкальный язык, музыкальный слух, массовое музыкальное образование, диалог культур

Для цитирования: Никитенко О. Б., У Сяолэй. О музыкально-лингвистическом значении китайских «школьных песен» // *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*. 2025. № 1 (76). С. 19–23. <http://doi.org/10.26086/NK.2025.76.1.003>

Original article

On the musical and linguistic meaning of Chinese “school songs”

Nikitenko Oksana B.¹, Wu Xiaolei²

^{1,2} The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

¹ E-mail: nikitenko-k@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2654-3900>

² E-mail: 602854595@qq.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8114-2874>

Abstract. The article is devoted to the socio-cultural analysis of “school songs”, a phenomenon whose essence is not fully understood in the history of new China. Until recently, the internal assessment of “school songs” was based on their social significance, and the works of historians emphasized their thematic content related to new democratic aspirations. Later, young researchers consider “school songs” as a genre sphere preceding the formation and development of Chinese artistic song. However, even this view does not exhaust the scale of the impact of this humanistic action. The article offers a culturological perspective of the analysis of Chinese “school songs”, revealing their musical and linguistic significance.

Keywords: “school songs”, musical language, musical ear, mass musical education, dialogue of cultures

For citation: Nikitenko O. B., Wu Xiaolei. On the musical and linguistic meaning of Chinese “school songs”. *Actual problems of high musical education*. 2025; 1(76); 19–23 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2025.76.1.003>

В истории новой китайской культуры песни и музыка в школьных учебных заведениях первых десятилетий XX века рассматривается как начало и исток современной китайской музыки [1, с. 79]. Более определенный исследовательский взгляд позволяет увидеть в «школьных песнях» будущие черты китайской вокальной музыки XX столетия [2]. Однако ценность этих на первых порах весьма безыскусных опусов осознана не в полной мере. Чтобы осмыслить подлинное значение «школьных песен», необходимо обратиться к культурному контексту явления.

К концу XIX века в стране работали музыканты, в полной мере освоившие западную музыку. Сегодня можно оценить новое качество профессионализма, которым обладали основоположники школьного образования Ли Шутун (1880–1942), Цзэн Чжиминь (1879–1929) и Шэнь Синьгун (1870–1947). Таковым являлось полноценное владение двумя весьма далекими друг от друга музыкальными языками: системой тональной гармонии, лежащей в основе классической западноевропейской музыки, и китайскими ладами. Понимая, как важно выйти в диалог с евро-

пейской культурой, основанный на музыкальном же взаимопонимании, они разрабатывают специальную систему освоения европейской тональной гармонии. Внедрение системы в образовательные институты приобретает массовый характер.

Новый тип школы, имитирующий европейскую и американскую модель, в которой классы используются как единицы для коллективных занятий, постепенно заменил патриархальное частное обучение. Название песен, преподаваемых в классах музыки новых школ, 学堂乐歌 — Сюэтан Юэ Гэ — стало названием курса, положенного в основу нового образования в Китае, которого никогда не было в феодальных аристократических школах за более чем две тысячи лет их существования.

«Школьные песни» или, если искать более точный смысловой перевод для русскоязычного читателя, «школа песен» знаменует собой развитие новой демократической культуры Китая в области музыки, которая не только глубоко повлияла на студенческую молодежь того времени в плане идеологического просвещения, но и заложила основу для популяризации музыкальных знаний и развития профессионального музыкального образования. Изданный цинским правительством 13 января 1904 года «Устав императорской школы Цзоудин» повлек за собой проведение довольно детальных образовательных реформ, тем самым разрушив устаревшие тысячелетние формы обучения. В результате одна за другой были изданы различные книги по пению в Китае и Японии. Многие школы нового стиля в Китае постепенно открыли «классы Юэ Гэ». Кроме того, после 1902 года люди продолжали добровольно изучать музыку в Японии и Европе или дополнительно заниматься ею [3, с. 19].

После образования Китайской Республики в 1912 году правительство четко утвердило обязательность курса «Юэ Гэ» в начальных и средних школах, и предложило ввести «эстетическое воспитание» для младших школьников. С тех пор школьное пение постепенно стало новым течением в общественной и культурной жизни того времени. Новые песни в школьном классе под собирательным названием «Сюэтан Юэ Гэ» вошли в историю музыкальной культуры Китая.

«Школьные песни» имели двойную функцию. Первую ее часть можно назвать музыкально-лингвистической: на основе музыкальных элементов школьных песен, методически выстроенных в порядке возрастания структурных сложностей,

эти опусы способствовали освоению нового для китайского населения музыкального языка. Вторая функциональная направленность — содержательная: если бы песни оставались скучными музыкально и бессодержательными, они бы не были качественно усвоены учащимися. Создатели этих песен хорошо понимали, что музыка воспринимается и познается эмоционально, а не только как ряд формальных элементов. Песни получили свои отличительные музыкально-смысловые черты. Основное содержание школьных песен можно свести к следующим аспектам:

1. Патриотический строй чувств, который активизирует национальное самосознание китайского народа. Таковы песни «Китаец» (автор Ши Гэн), «Желтая река» (автор Ян Ду и Шэнь Сингун), «Река Янцзы» (под редакцией¹ Ван Иньцая), «Песня о Родине» (автор Ли Шутун) и другие.

2. Песни, в которых воплощался боевой дух страны: «Гимнастика — военные упражнения» (под редакцией Шэнь Сингуна), «Армейская песня» (под редакцией Хуан Гунду), «Морской бой» (под редакцией Цзэн Чжиминя), «Сухопутная война», «Марш» и др.

3. Активно поддерживалось свержение имперской системы и приветствие создания нового демократического и республиканского правительства. Например: «Революционная армия» (под редакцией Шэнь Сингуна), «Мемориал Гуанфу» (под редакцией Хуа Ханчэня), «Прекрасный Китай» (автор сценария Шэнь Сингун, композитор Чжу Юньван) и так далее.

4. Призыв к женскому освобождению, гендерному равенству, которое утверждалось антифеодальным движением. Среди них самые представительные: «Поощряйте права женщин» (под редакцией Цю Цзинь), «Женская гимнастика» (под редакцией Шэнь Сингуна), «Женщины идут в армию» (под редакцией Е Чжунлэн), «Женская революционная армия» (под редакцией Хуа Ханчэня) и другие.

5. Пропаганда изучения новых культур и продвижение демократической идеи «изменения традиций и обычаев». Репрезентативными песнями являются: «Земля», «Спартакиада», «Экспозиция», «Телеграф», «Цивилизованный брак» и другие.

6. Сочетание школьной жизни с идейным воспитанием трудолюбия и жизнелюбия у молодежи. Например: «Торжественное открытие» (под редакцией Шэнь Сингуна), «Поощрение в учебе» (под редакцией У Хуайю), «Прощание» (под ре-

дакцией Ли Шутуна), «Весенняя прогулка» (автор Ли Шутун) и другие.

Согласно певческому опыту японских школ нового стиля и национальным условиям Китая того времени, формой исполнения «школьных песен» в Китае являлось коллективное пение в классах. Благодаря такому исполнению песен широкие массы получили возможность познакомиться с базовыми музыкальными теоретическими знаниями, изучив западную нотацию (нотный стан, цифровая музыкальная нотация). Однако эти песни чаще были основаны на уже готовых иностранных мелодиях (японских, европейских, американских), приспособленных к сочиненным стихотворным строфам. Некоторые мелодии даже неоднократно использовались с разными текстами разных авторов. В основном большую часть текстов привнесли многочисленные представители интеллигенции, занимавшиеся в то время аранжировками песен, а позже служившие учителями музыки в школах. Они были демократами, которые любили музыку и заботились об образовании нового стиля, среди них были и японские учителя, которых пригласили для преподавания в Китае. В основной своей массе они не были знакомы с китайской народной музыкой.

Среди первых опусов довольно мало песен, наполненных тонами традиционной китайской музыки; еще меньше песен написано с использованием мелодий, созданных китайскими музыкантами.

Важной особенностью смыслового аспекта «школьных песен» была тесная связь с обучением и жизнью детей. Эта характерная черта берет свое начало в пропаганде «единства письменного и разговорного языка», которую проводила Япония в начале XX века. Требовалось унифицировать язык детской повседневной жизни со «школьными песнями»: тексты песен не должны быть написаны на классическом китайском или древнем китайском языке, который трудно понять детям. Можно сказать, что большая часть текстов китайских Юэ Гэ следовала этому принципу. Кроме того, большинство этих песен принимало форму «одноголосного исполнения» (то есть пения в унисон), редко — форму многоголосного хора. Кроме того, за исключением лидеров этого направления, обладавших высоким уровнем музыкальной грамотности, у большинства первых авторов песен не было особых требований к аккомпанементу.

Расцвет Юэ Гэ стал главным символом современного школьного музыкального образования

в Китае. Дальнейшее художественное развитие «школьных песен» знаменует собой серьезные преобразования в области музыки. Произошел поворот в музыкальном воспитании китайской молодежи, впервые утверждается его массовый характер. Эта классная модель музыкального образования используется и по сей день [4, с. 7–8].

«Школьные песни» отражают социальную реальность, а голос народа распространяет передовую идеологию и сохранённую в них культуру. Эпоха зарождения и развития «школьных песен» была беспокойным временем, Китай сталкивался как с внутренними, так и с внешними проблемами. Будь то падение феодальной династии или подъем демократической революции, основные произведения «школьных песен» могли своевременно отразить чаяния людей и требования времени. В то же время развитие курса «школьных песен» действительно приобщает народ к знаниям и умениям западной музыкальной культуры. В частности, введение и распространение двух новых способов нотации — нотной и цифровой записи — заложило основу для популяризации музыкальных знаний и утверждения коллективного пения в массах, что подготовило создание базы профессионального музыкального образования в Китае [5, с. 22].

Подводя итог, мы видим, что этот тип учебной музыки стал уникальным прецедентом построения программы образовательного вовлечения населения в освоение музыкального языка прогрессивной для Китая, но изначально весьма далекой культуры. Передовые музыканты могли бы ограничиться частными инициативами — обучением избранных, особо одаренных и т. д. Однако они выстраивают программу массового охвата населения, которая обеспечит не только подъем музыкального образования, но и изменит музыкальный слух, воспитанный на китайском ладовом строе и жанрах традиционной культуры. Песни — по содержанию и форме — призывали учиться у западной цивилизации и одновременно наполнялись «родным» содержанием: поддерживали идею укрепления страны, способствовали воплощению духа науки и демократии, отстаиваемого движением за новую культуру в области музыки. Сегодня, после прошедших многих лет раскаленных дискуссий и споров, очевидно, что это был неизбежный выбор истории. И этот выбор был осуществлен не стихийно, а сознательными усилиями просвещенных китайских музыкантов, которых можно назвать первыми музыкантами нового типа.

Подготавливая население к освоению западного опыта, музыкант-просветитель видел будущее разных культур, основанное на диалогическом взаимодействии, где *понимание* инокультурной музыки имеет основополагающее значение. Самодостаточность западной культуры не предполагала освоения неевропейских культур, оставляя им роль «экзотических» красот, без глубокого проникновения в смыслы. Следовательно, выйти навстречу западной культуре, предложить ей понимание глубин собственной культуры должны сами китайцы, но для этого они должны полноценно «заговорить» на языке западной музыки. Поэтому роль тогдашних первопроходцев видится сегодня как миссионерская.

Время показало, что курс «школьных песен», внедренный в массы китайскими педагогами-просветителями, выполнил роль программы освоения языка тональной гармонии, а шире — основ классической западноевропейской музыки, приобщив население к ее пониманию. Мелодия с аккордовым аккомпанементом, положенная в основу элементарных песенных упражнений, способствовала развитию тонально-гармонического слуха. Близкое населению актуальное содержание текстов, а в дальнейшем — художественное развитие песен способствовали перестроению музыкального слуха у молодых людей, формируя отзывчивость к языку европейской музыки, к ее жанровым, инструментальным, социокультурным традициям. Поток вхождения китайской культуры в мировое пространство классики уже невозможно было сдерживать, и роль Сюэтан Юэ Гэ в этом процессе неопределима.

Примечания

¹ Здесь и далее «под редакцией» обозначает приспособление к тексту заимствованной мелодии.

Список источников

1. Сюй Цзе. Предварительное исследование музыкальных песен в школах в начале XX века // Журнал Университета Сenan. 2007. Вып. 4. С. 79–83.
2. Пан Ифэй. О значении жанра «школьной песни» для новой музыки Китая XX столетия // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2018. № 2 (48). С. 48–50.
3. Лян Цичао. Коллекция комнат для питья со льдом. Пекин: Книжный магазин Чжунхуа, 1936. 109 с.
4. Ван Юхэ. История современной китайской

музыки. Пекин: Народное музыкальное издательство, 2009. 178 с.

5. Цзоу Янь. Протокол симпозиума по публикации книги г-на Цянь Ренкана «Источник для изучения музыки и песен Сюэтана» // Музыка и искусство. 2001. № 4. С. 22–26.

References

1. Xu, Jie (2007), “Preliminary study of musical songs in schools at the beginning of the twentieth century”, *Journal of the University of Senan*, vol. 4, pp. 79–83.
2. Pan, Yifei (2018), “On the importance of the ‘school song’ genre for the new music of China in the twentieth century”, *Aktualnye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya* [Actual problems of high musical education], no. 2 (48), pp. 48–50.
3. Liang, Qichao (1936), *Collection of rooms for drinking with ice*, Zhonghua Bookstore, Beijing, China.
4. Wang, Yue (2009), *The history of modern Chinese music*, National Music Publishing House, Beijing, China.
5. Zou, Yan (2001), “Minutes of the symposium on the publication of Mr. Qian Renkan’s book ‘A source for studying music and songs of Xue-tang’”, *Muzyka i iskusstvo* [Music and Art], no. 4, pp. 22–26.

Информация об авторах

Никитенко О. Б. — кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального воспитания и образования

У Сяолэй — аспирантка кафедры музыкального воспитания и образования

Information about authors

Nikitenko O. B. — Candidate Art History, Associate Professor of the Department of Musical Education and Study

Wu Xiaolei — Postgraduate student of the Department of Musical Education and Study

Вклад авторов

Никитенко О. Б. — участие в разработке концепции исследования (формирование идеи, развитие ключевых моментов концепции), написание текста (составление черновика рукописи, внесение замечаний интеллектуального содержания), утверждение окончательного варианта

статьи (принятие ответственности за все аспекты работы, целостность всех частей статьи и ее окончательный вариант).

У Сяолэй — разработка концепции исследования, формирование идеи, развитие ключевых моментов концепции, проведение исследования, сбор данных и доказательств, анализ и интерпретация полученных данных, написание текста, утверждение окончательного варианта статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Nikitenko O. B. — participation in the development of the research concept (formation of an idea, development of key points of the concept), writing the text (drafting the manuscript, making comments of intellectual content), approving the final version of the article (taking responsibility for all aspects of

the work, the integrity of all parts of the article and its final version).

Wu Xiaolei — development of the research concept (formation of an idea, development of key points of the concept), conducting research, collecting data and evidence, analyzing and interpreting the data obtained), writing a text (drafting a manuscript, making comments of intellectual content, preparing and creating a published work), structuring and formatting the text, approval of the final version of the article (taking responsibility for all aspects of the work, the integrity of all parts of the article and its final version).

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 10.02.2025.